

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(470.326)''1912 / 1918'':316.344.42 + 316.44

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ТАМБОВСКОЙ ЭЛИТЫ В 1912–1918 ГОДАХ ¹

О. М. Зайцева

Тамбовский государственный университет им. Г. И. Державина,
Академия гуманитарного образования, кафедра Российской истории, г. Тамбов

В сообщении представлены проявления социальной мобильности провинциальной городской элиты в 1912–1918 гг. на примере губернского города Тамбова, выявлен её преобладающий тип, определены её основные причины.

Ключевые слова: провинциальная городская элита, социальная мобильность, Первая мировая война, революция.

Первая мировая война и революционные события 1917 г. коренным образом изменили условия развития российского государства и общества. На примере города Тамбова попытаемся выяснить, как повлияла «военно-революционная буря» на социальную мобильность провинциальной городской элиты.

Проблема социальной мобильности городского населения и её влияние на особенности российской модернизации конца XIX – начала XX вв. – относительно новая для отечественной историографии. В работах историков советского времени отражались преимущественно изменения в положении промышленных рабочих в предреволюционный и революционный периоды. Другие категории горожан по идеологическим причинам были оставлены без должного внимания. Только в 1980-е – 1990-е гг. появились исследования, посвящённые непролетарским слоям городского населения. Значительная их часть представлена в межвузовском сборнике, авторы которого, используя общероссийские и региональные материалы, предприняли попытку изучить социальный облик городских средних слоёв в первые десятилетия XX в.²

Механизмы и факторы социальной мобильности российского населения во второй половине XIX в. были рассмотрены в конце 1990-х гг. в фундаментальном труде Б. Н. Миронова³.

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта П662 «Социальная динамика процесса экономической модернизации аграрных регионов России XIX – начала XX века» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

² Городские средние слои в трех российских революциях: межвуз. сб. науч. тр. М., 1989.

³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 113–122.

В 2000-х гг. Н. В. Стрекаловой на материалах типичного губернского центра, каким являлся Тамбов, был предпринят анализ социальной стратификации и мобильности городских средних слоёв в предреволюционное десятилетие⁴.

Вопрос о социальном облике и мобильности городских высших слоёв в конце XIX – начале XX в. изучен ещё более слабо. Некоторые представления об отдельных группах социальной элиты на общероссийском и столичном уровнях можно получить из работ П. А. Зайончковского, А. Н. Боханова, С. В. Куликова, Л. Г. Протасова и др.⁵ Провинциальная городская элита до сих пор почти не исследована. Между тем массовые источники (списки избирателей в городские и Государственную думы, списки избирателей в Учредительное собрание, окладные книги, адрес-календари и справочные книжки служащих и др.), обработанные с использованием компьютерных технологий, дают возможность изучать высшие городские слои на персональном уровне. Выявленные нами конкретные проявления социальной мобильности тамбовской городской элиты в предреволюционное двадцатилетие позволяют утверждать, что даже большинство представителей высшей страты постоянно переживало изменения статусных показателей. Исследование первичных персонифицированных источников показало, что только 14 % «элитарных» горожан образца 1896 г. сохранили свои позиции в первой страте в 1917 г.⁶

В рамках данного сообщения рассматривается более узкий временной отрезок. В качестве исходного обратимся к относительно стабильному и в экономическом, и в политическом плане 1912 г. В этом году численность высших слоёв Тамбова составила 452 чел. (менее 1 % населения города). Наиболее многочисленной группой в них являлись чиновники и дворяне (38,5 %). Кроме того, заметным было представительство купцов (25 %) и мещан (17 %). «Элитарные» горожане в значительной степени были заняты на службе (государственной, общественной, сословной), занимались торгово-промышленной деятельностью, были домовладельцами. Согласно нашим подсчётам, служба являлась единственным занятием у

⁴ *Стрекалова Н. В.* Социальная стратификация и социальная мобильность средних слоёв Тамбова в 1907–1917 гг. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»: матер. VIII конференции АИК. Июнь 2002 г. М., 2002. № 30. С. 23–25; *Её же.* Социальная стратификация и социальная мобильность городских средних слоёв в 1907–1917 гг. (на материалах Тамбова): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2003.

⁵ *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат в самодержавной России в конце XIX в. М., 1978; *Боханов А. Н.* Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992; *Его же.* Деловая элита России: 1914 г. М., 1994; *Дякин В. С.* Структура имущих верхов России в конце XIX – начале XX вв.: к постановке вопроса. // Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. Ежегодник. СПб., 1997. С. 127–148; *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.

⁶ *Зайцева О. М.* Социальная мобильность высших городских слоёв населения на рубеже XIX – XX вв. (на материалах г. Тамбова) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 30. С. 14–16.

16,5 % представителей высших слоев Тамбова, домовладение – у 20,5 %, предпринимательство – у 12,5 % от рассматриваемой группы, остальные так или иначе совмещали данные занятия. Довольно заметной была прослойка собственников недвижимого имущества (67 %), в том числе и крупного (44 %).

Первая мировая война внесла существенные коррективы в жизнь высших слоев Тамбова. Спустя пять лет только 58 % представителей городской элиты образца 1912 г. удалось сохранить свои позиции в первой страте, остальные из неё выбыли, в основном совершив нисходящую вертикальную мобильность.

Численность социальной элиты губернского центра к 1917 г. уменьшилась на 19 % и составила 366 чел. Большинство представителей высших слоёв по-прежнему принадлежали к чиновно-дворянской, купеческой и мещанской группам, однако по сравнению с 1912 г. они сократились соответственно на 1,4 и 2 %. Структура их занятий осталась прежней, однако изменилось долевое соотношение профессий. Служба указывалась в качестве единственного занятия у 15 %, домовладение – у 20 %, предпринимательство – у 8,5 % представителей тамбовской городской элиты, остальные совмещали эти виды деятельности.

Причин для нисходящей вертикальной мобильности было более чем достаточно. Часть представителей высших слоёв разорились, причем это коснулось в первую очередь «чистых» торговцев и промышленников, а также лиц, едва укрепившихся в городской элите за счёт «цензовой» недвижимой собственности и не имевших сколько-нибудь свободных финансовых ресурсов (речь идёт прежде всего о мещанах). Этот период показал, что владение крупной недвижимостью – более прибыльное и стабильное в плане доходности дело, нежели торгово-промышленная деятельность, что наглядно подтверждают данные 1917 г. о численности владельцев недвижимого имущества, его стоимости и структуре. Доля собственников в абсолютном выражении сократилась на 23 чел., но в относительном – возросла примерно на 10 %. При этом крупные собственники составили более половины от всех владельцев городской недвижимости. Стоимость недвижимого имущества в расчёте на одного владельца увеличилась в среднем на 19 %, у крестьян, входивших в высшие слои Тамбова, – на 32 %, у купцов – на 42 %. Ещё более заметным, чем в предыдущие годы, стало преобладание домовладения.

Однако не все «элитарные» предприниматели несли убытки в годы Первой мировой войны. Некоторые из них даже упрочили своё положение в высшей страте, особенно торговцы наиболее ходовыми промышленными товарами и сельскохозяйственной продукцией. В погоне за прибылью они действовали настолько напористо, что порой привлекали к себе внимание органов правосудия. Типичным примером является дело местного «хлебного короля» купца Егорова. В ноябре 1915 г. он был посажен в тюрьму за то,

что, как говорили в городе, в течение десяти месяцев заработал столько, сколько раньше зарабатывал за 10 лет⁷.

Некоторых представителей тамбовской городской элиты не оказалось в высшей страте в 1917 г. по причине смерти. Таковых насчитывается 19 чел. Ещё 10 чел. по разным причинам отсутствовали в губернском центре. В начале войны Тамбов покинула часть старших офицеров, принадлежавших к командному составу воинских подразделений, ранее расквартированных в городе и его окрестностях. Кроме того, в действующую армию были призваны «гражданские» представители местной городской элиты, среди них – купец А. В. Пантелеймонов, мещанин Д. М. Мандрыкин, городской голова (по основной профессии – военный врач) И. М. Потапов и др.⁸

Отдельные представители «тамбовских верхов» в рассматриваемый период распродавали свое имущество и уезжали из губернского центра. По данным 1916–17 гг. известно о шести таких случаях. Ещё до Февральской революции в Ессентуках обосновался архитектор Ф. А. Свиричевский⁹, в конце 1917 г. из Тамбова в Петербург переехал местный землевладелец и домовладелец, член Государственного Совета В. М. Андреевский¹⁰. Кроме того, в это время с целью эмиграции из России губернский центр покинули крупные предприниматели и известные общественные деятели В. М. Асеев и М. Л. Шоршоров¹¹.

В 1918–19 гг. ещё 10 представителей тамбовской городской элиты сменили место жительства. В частности, Н. Е. Можарова, принадлежавшая к одному из богатейших дворянских кланов губернии, переехала в Саратов, Н. С. Никольский, известный в Тамбове землевладелец, домовладелец и предприниматель, выехал на Украину. В делах остальных в качестве возможных мест пребывания указаны уездный город Тамбовской губернии Кирсанов, а также Москва, Севастополь, Германия и др.¹²

1917 г. внёс заметные перемены в бюрократическую и общественно-политическую элиты, поскольку сменились высшие должностные лица губернии и руководители земского и городского самоуправления. Приведём отдельные факты. Во главе губернии в данном году побывали А. А. Салтыков (последний губернатор), Ю. В. Давыдов и К. Н. Шатов (губернские комиссары Временного правительства). Пост городского главы Тамбова занимали последовательно И. М. Потапов, В. П. Ишеев, В. Н. Андреев. Однако несмотря на частые перемены во власти губернией и её административным центром пока руководили представители прежней, дореволюционной элиты.

В начале 1917 г. состоялись очередные выборы в Тамбовскую городскую думу. Согласно проведённым подсчётам, численность думцев по срав-

⁷ Черменский П. Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии: Очерк экономики и культуры пореформенного периода, 1861–1917-й годы. Тамбов, 1928. С. 65.

⁸ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 17. Оп. 48. Д. 21. Л. 4, 101, 121 об, 141, 186; Ф. 398. Оп. 1. Д. 138. Л. 4.

⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 38. Д. 20. Л. 3.

¹⁰ Там же. Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.

¹¹ Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 42, 43, 680.

¹² ГАТО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 137. Л. 56; Д. 138. Л. 4, 5.

нению с 1913 г. возросла примерно на треть (составив 45 чел.), персональный состав изменился на 52 %. Однако вновь избранные гласные ещё в значительной степени были рекрутированы из «старых» высших слоёв. Принятое вскоре после этого новое законодательство о местном самоуправлении кардинально изменило городскую думу. Список гласных, избранных 23 июля 1917 г., увеличился на 37 % и обновился на 92 % по сравнению с аналогичным списком, составленным по итогам выборов 26 февраля и 5 марта того же года. При этом большинство депутатов городского собрания не имели уже никакого отношения к «старым» высшим слоям Тамбова¹³.

Революционное время ещё в большей степени, нежели первые годы войны, повлияло на уровень социальной мобильности тамбовской городской элиты. Имеющиеся на данный момент материалы позволяют определить перемены в жизни 101 чел., не считая отсутствовавших в Тамбове по причине мобилизации, сменивших место жительства и умерших в данный период.

С приходом Советской власти недвижимость «старых» городских «верхов» была в основном национализирована, лишь очень немногим удалось сохранить жильё.

Согласно «Спискам регистрации буржуазии по г. Тамбову», 25 чел., лишившиеся своего имущества, в губернском центре найдены не были. Соответствующие графы напротив их фамилий пестрят отметками типа: «скрылся», «неизвестно где», «бежал», «выехал из Тамбова». Лишь в редких случаях встречаются предположения об их возможных местах пребывания, например, такие, как «в селе», «брат говорит, что в Москве» и т. п. В 1918–19 гг. «в бегах» числились и некоторые высшие должностные лица 1917 г., в частности, губернский комиссар К. Н. Шатов и городской голова В. А. Андреев¹⁴.

Жизнь тех, кто оставался в Тамбове, складывалась по-разному, однако практически никому из «верхов» губернского центра не удалось сохранить свой прежний социальный статус. Часть представителей «старой» бюрократической и общественно-политической элиты перешла на советскую службу. В частности, бывший председатель губернской земской управы и губернский комиссар Ю. В. Давыдов работал в местном губплане, а бывший городской голова И. М. Потапов даже некоторое время возглавлял губздравотдел. Другие высшие должностные лица дореволюционного периода не служили, при этом по разным причинам не вызывали опасений у новой власти, и им было позволено доживать в Тамбове. К данной категории можно отнести, например, бывшего губернского предводителя дворянства князя Н. Н. Чолокаева, которого не беспокоили в силу более чем почтенного возраста (1830 г.р.) и бывшего тамбовского полицмейстера К. Ю. Старынкевича, который не представлял никакого интереса по состоянию здоровья («больной параличом»)¹⁵.

¹³ ГАТО. Ф. 17. Оп. 48. Д. 21. Л. 24, 67, 68.

¹⁴ Там же Ф. 398. Оп. 1. Д. 138. Л. 4, 5, 7, 55–57.

¹⁵ Там же Ф. 161. Оп. 1. Д. 9345. Л. 25 об; Ф. 398. Оп. 1. Д. 138. Л. 8, 55; Тамбовская энциклопедия. С. 155, 463.

Значительно больше примеров нисходящей вертикальной мобильности относится к деловой элите Тамбова. Так, некогда крупный торговец рыбой, принадлежавший к клану купцов-миллионщиков, П. А. Нагаев служил в губернском Совнархозе, купец А. А. Зыков, до революции торговавший галантерейными товарами, работал кассиром в упродкоме, купец М. П. Коротков, бывший владелец гончарно-изразцового завода, крупный домовладелец и землевладелец, заведовал гончарно-изразцовым заводом № 2 коммунхоза, (т. е. практически оставался руководителем собственного предприятия, но без собственнических прав)¹⁶.

Известны случаи и более глубокого социального падения. Например, бывший владелец мыловаренного завода А. П. Шамонов после революции стал певчим в Казанской церкви. Бакалейный торговец М. И. Офицеров служил ломовым извозчиком в губтраме, бывший крупный хлебный торговец, потомственный почетный гражданин К. Н. Крюченков работал конюхом в том же учреждении¹⁷.

Некоторые представители дореволюционных высших слоев Тамбова к 1918 г. находились в рядах Красной Армии. В частности, подобные сведения есть о купеческих сыновьях А. И. Лихмачеве, Д. П. Калашникове, Н. Ф. Патутине (последний, кстати, в отличие от бывших торговца и гимназиста, был кадровым офицером) и др.¹⁸ В то же время некая их часть оказалась среди противников Советской власти. На 1918 г. отметки о пребывании «в лагерях» имеются в «делах» бывшего владельца винно-гастрономического магазина Г. И. Егина и бывшего крупного торговца скобяными изделиями И. А. Лоскутова (находился в концлагере в Москве)¹⁹.

По-разному складывались судьбы отдельных семей, принадлежавших к высшему обществу дореволюционного Тамбова. В качестве примера рассмотрим купеческий клан Замятиных и семью мещан Денисовых.

На конец 1917–18 гг. о братьях Замятиных известно, что Иван, Михаил и Александр Ивановичи проживали в Тамбове, Николай и Алексей Ивановичи уехали – первый в Москву, второй – в Севастополь. Наиболее благонадежным властям явно представлялся Александр – «учитель музыки» (в противовес ближайшим родственникам – торговцам и фабрикантам), жил «на свой труд». В рассматриваемый период он занимал должность инспектора губпролеткульта. Также указан род деятельности Ивана – заведующий кирпичным заводом при Рязано-Уральской железной дороге. Отметка об их матери, Анне Евграфовне, гласит, что та жила при детях, «больная старуха»²⁰.

Небезынтересны сведения о семье Ф.Н. Денисова. Как явствует из личного дела, глава семьи до 1917 г. продолжал торговать обувью, однако «во время погрома был подвержен разгрому». О дальнейшей его жизни

¹⁶ ГАТО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 138. Л. 5.

¹⁷ Там же. Д. 137. Л. 57; Д. 138. Л. 5, 7, 56.

¹⁸ Там же. Л. 6–8.

¹⁹ Там же. Л. 7, 8.

²⁰ Там же. Л. 5, 8.

сказано, что «на службе не состоит» (есть свидетельство о болезни), «содержится трудами жены своей, которая шьёт дамское платье, в настоящее время (1919 г. – О. 3.) средств к жизни не имеет». Из четырёх детей Ф. Н. Денисова есть информация только об одном из сыновей, о котором известно, что он служил добровольцем в Красной Армии с 1918 г.²¹

Приведённые выше факты наглядно свидетельствуют, что военные и революционные годы привнесли негативные изменения в жизнь тамбовской городской элиты. Большинство представителей высших слоёв не смогли сохранить привычный для себя социальный статус. Главными причинами нисходящей вертикальной мобильности явились заметное ухудшение материального положения, а также утрата высоких позиций или, как минимум, влияния во властных структурах. Новый политический режим формировал новую социальную элиту и неизбежно разрушал старую.

Список литературы:

1. Боханов А. Н. Деловая элита России: 1914 г. М., 1994.
2. Боханов А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992.
3. Дякин В. С. Структура имущих верхов России в конце XIX – начале XX вв.: к постановке вопроса. // Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. Ежегодник. СПб., 1997.
4. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат в самодержавной России в конце XIX в. М., 1978.
5. Зайцева О. М. Социальная мобильность высших городских слоёв населения на рубеже XIX – XX вв. (на материалах г. Тамбова) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»: матер. VIII конференции АИК. Июнь 2002 г. М., 2002. № 30.
6. Куликов С. В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
7. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1.
8. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М., 2008.
9. Стрекалова Н. В. Социальная стратификация и социальная мобильность средних слоев Тамбова в 1907–1917 гг. // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»: матер. VIII конференции АИК. Июнь 2002 г. М., 2002. № 30.
10. Черменский П. Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии: Очерк экономики и культуры пореформенного периода, 1861–1917-й годы. Тамбов, 1928.

SOCIAL MOBILITY OF THE TAMBOV ELITE IN 1912–1918

²¹ ГАТО. Ф. 17. Оп. 45. Д. 209. Л. 16; Ф. 398. Оп. 1. Д. 138. Л. 4.

O. M. Zajtseva

The Tambov state university of G. I. Derzhavin,
Arts education Academy, chair of the Russian history, Tambov

This article discusses specific manifestations of social mobility in provincial urban elites in 1912–1918 (for example, a provincial city of Tambov), revealed its predominant type, identified by its root causes.

Keywords: *provincial urban elites, social mobility, the first world war, revolution.*

Об авторе:

ЗАЙЦЕВА Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Академия гуманитарного и социального образования Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина.

ZAITSEVA Olga Mikhailovna – Kandidat of history, senior lecturer of sub-faculty of Russian history of the Academy humanitarian and social education of the G.R. Derzhavin Tambov State University.

Статья поступила в редакцию 09.06.2010